
Давай будем прятаться по музеям!
Когда-то мы прятались в книгах,
А теперь не умеем.

Музей классического искусства —
Трёхмерный.
У него есть двери,
Назначены часы работы,
Входная плата.

И не надо
Шептать пароли,
Не надо
Нырять в страницы.
Можно просто явиться,
Как явился и принёс свое золото к воротам ада —
Ветку, монетку —
Один древний эллин.
И вошёл — так, что не пикнул Цербер.
И вошёл, хотя иные не смели.
И увидел мёртвых.

Можно также явиться и пройтись по залам,
По самым азам,
По самым началам —
Чьи здесь мёртвые?
Рёмбрандта? Рафаэля?
Мы в безопасности среди них —
Даже самых злых.

Зло умёрших — мертвó, красота — сохранна.
Тут появится перед нами сама охрана,
Скажет:
— Прячетесь? Вас обыскались
В мире живых.

Провод

Давай из прошлого протянем телефонный провод
В наш год, где телефон без проводов.
Не факт, что для беседы будет найден повод,
Но если крепко потянуть за этот провод,
То вытянется ворох мертвых слов.

Так, слово за слово, кого-нибудь безгласного
Достанем наконец.
Забывтый крепко-накрепко сюжет.
Вот телефон звонит
В том коридоре коммунальном, где паркет
Блестит, вчера натерт мастикой,
Звонит, звонит, я с проводом играю.
Мне — семь, а может, меньше лет.
Звонит, звонит, я трубку поднимаю,
А в ней — мой молодой отец
С хурмой раскисшей
И бессмысленной гвоздикой.
Он маму спрашивает,
Мамы дома нет.

Петра узнаю по ключу,
А Павла по мечу.
Войду и свет включу,
И за собой закрою.
Стоим, молчим.
Нас трое.

И кажутся мне в их руках
Меч — неподъемным,
Ключ — огромным.
— Садитесь, — говорю, — в ногах
Нет правды на Земле.
— Спасибо, — говорят, — мы помним.

Общество мертвых поэтов

А те, которые любили Капитана?
И научились задавать вопросы?
Таких и в самом умном классе — пять.
Ну, шесть, не больше.

Так много лет прошло.
Каких они наслушались ответов?
Мне хочется теперь прервать просмотр,
Чтобы как брата каждого обнять —
Всю эту братию,
Всех тех, кто, как и я, читал
«Мёртвых» поэтов,
Но мёртвыми их не считал.
За Уитмена — объятие,
За Байрона — объятие,
За Шелли, за Верлена, за Рембо...
За всех, которые не в силах
Влюблённому помочь,
Простить предателя,
Спасти того, кого нельзя спасти.

А я по-прежнему стою на парте,
Второго ряда мертвый автор,
Себе отвоевавший «постамент».
И по привычке повторяю:

«Карпе дием.
Лови момент».

Поцелуи

Украдкой, пока в углу
Дремала старушка,
Мы целовали с подружкой
Мраморы Нового Эрмитажа.

Она начиталась Моэма
(Мома? Моэма?)
Я был влюблен, по-моему,
В микеланджеловского Давида.
У меня был календарик —

Там все было маленькое,
Но кое-что — очень даже!
Было на что взглянуть и в залах Нового Эрмитажа.

Впрочем, я отвлекся. Подруга
Говорила, что целовала многих.
Во мне же было недостаточно сантиметров,
Чтоб богов целовать в холодные губы,
Удавалось, однако, потрогать их бледные ноги.

Как-то раз я погладил Артемиды коленку
(И чуть не обделался от испуга),
Дотягивался до крыла Психеи,
До яблока Париса.
До соска Антиноя.
— Скольких поцеловал? — спрашивала в конце дня подруга. — А ну-ка?

— В классе восьмом
При росте моём
И таких постаментах
Надо учиться не целовать, а прыгать!
Восьмиклассникам доступны не бессмертные боги,
А смертных разве что саркофаги...

К счастью, там множество персонажей!
Поэтому я победил в итоге
В соревновании нашем.

Нева в апреле

Сегодня берега твои кисельные.
На набережных — барышни кисейные,
Одетые, как водится, не по погоде,
А по особой петербургской моде:

Туристов чтоб организованные группки
Не отвлекались на дизайнерские юбки
От портиков и от колонн,
От завитков и кружев.
И очень удивлялись, обнаружив,
Что этот город густо заселен.

Не сон, а муть
Под утро с явью вперемешку.
Как будто зимний Петербург,
Мы двигаемся перебежками.
Кафе на Мойке, «Англетер» —
Мерещатся покойники-поэты.
А мой отель попроще, тут мы с вечера
И не трезвы, и не одеты.
Тепло вдвоём под одеялом тонким
И шторы наши не закрыты толком.
И кажется, что смотрит, как мы спим
Из кабинета своего отец Набоков,
И смотрит сын его, ещё совсем мальчишка
Их век и дом — напротив.
Мне это абсолютно все равно,
Пока я у тебя под мышкой.
Пока ты спишь, пока не рассвело,
Я позову всех призраков тобой полюбоваться.

Вдруг тихий стук,
И мой испуг:
— Ты тот, кого я звал?
На зов пришёл ты?

Нам человек принёс еду.
Не в чёрном — в жёлтом.